

ФЛАННЕРИ

О'КОННОР

МУДРАЯ КРОВЬ

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Фланнери О'Коннор

Мудрая кровь

«Издательство АСТ»

1952

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

О'Коннор Ф.

Мудрая кровь / Ф. О'Коннор — «Издательство АСТ»,
1952 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-111129-8

Роман, который входит в список 100 лучших книг XX века. Вернувшийся с войны Хейзел Моутс одержим идеей изгнать Бога из своего сердца. Познакомившись с циничным проповедником Асой Хоуксом и его пятнадцатилетней дочерью, он основывает новую Церковь – без распятого Христа, где хромы не ходят, слепые не видят, а мертвые лежат в могилах. Но встреча с полубезумным Енохом Эмери, в жилах которого течет «мудрая кровь», заставляет Хейзела по-настоящему «прозреть»... Трагикомическая сага об искуплении и воздаянии, лжепророках и подлинной мудрости, кризисе веры и поисках пути.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-111129-8

© О'Коннор Ф., 1952

© Издательство АСТ, 1952

Содержание

Примечание автора ко второму изданию романа	6
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Фланнери О'Коннор

Мудрая кровь

Flannery O'Connor
WISE BLOOD

Печатается с разрешения автора и литературного агентства Intercontinental Literary Agency Limited.

© Renewed by Flannery O'Connor, 1949, 1952, 1962

© The Estate of Mary Flannery O'Connor, 1990

Школа перевода В. Баканова, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Фланнери О'Коннор (1925–1964) – американская писательница ирландского происхождения, одна из наиболее ярких представителей «южной школы» (наряду с Уильямом Фолкнером, Труменом Капоте и Харпер Ли). С 1983 года в США вручается премия за короткий рассказ, учрежденная в ее честь.

Посвящается Регине

Примечание автора ко второму изданию романа

«Мудрой крови» исполнилось десять лет, и книга до сих пор жива. Собственно, этими словами мои критические способности и ограничиваются, но и на том спасибо. Книга написана с жаром, и читать ее, по возможности, следует так же. «Мудрая кровь» – комедия о христианской борьбе воли, и она очень серьезна, как должна быть серьезна любая хорошая комедия, в которой поднимаются вопросы жизни и смерти. Автор «Мудрой крови» – человек абсолютно несведущий в плане теории, однако натура очень увлеченная. То, что для некоторых вера в Христа – вопрос жизни и смерти, стало значительным препятствием для аудитории, предпочитающей не воспринимать веру всерьез. Для них чистота Хейзела Моутса лежит в яростных попытках избавиться от «страшной, оборванной фигуры, переходящей от дерева к дереву и манящей Хейза за собою во тьму, где не видно, что под ногами». Хейзел неспособен совершить подобное, и в этом заключается его чистота для автора. Неужели же чистота человека – в его неспособности осуществить задуманное? По-моему, так дело и обстоит, поскольку свободная воля – это, как правило, конфликт многих волей в человеке. Свобода просто не дается. Она – тайна, которую книга (даже комедийная) может лишь углубить.

1962 год

Глава 1

Расположившись на зеленом плюшевом сиденье, Хейзел Моутс подался вперед. С минуту он глядел в окно, словно желая выпрыгнуть из поезда, а после обратил взор в проход, в другой конец вагона. Время от времени лес, через который ехал состав, расступался, и становилось видно солнце. Ярко-красное, оно висело в небе над самыми верхушками деревьев вдали. Чуть ближе изгибались, уходя в сторону, вспаханные поля, где рылись в земле кабаны, похожие на пятнистые камни.

Сидевшая напротив Хейза миссис Уолли Би Хичкок заметила, что ранний вечер – вот как сейчас – самое замечательное время дня. Затем эта пухлая коротконогая женщина в платье с розовыми оборками спросила, не согласен ли с ней Хейз.

Глянув на нее, попутчик вновь уставился в проход. Женщина проследила за его взглядом, но заметила лишь ребенка в соседнем купе и проводника, открывавшего шкаф с ширмами.

– Полагаю, вы едете домой? – спросила женщина у Хейза.

Она присмотрелась к попутчику: на вид и двадцати лет не дашь, однако держит на коленях жесткую широкополую шляпу, уместную для пожилого деревенского пастора; костюм ярко-синего цвета, и на рукаве все еще сохранился ярлычок с ценой.

Молодой человек и в этот раз не ответил, продолжая смотреть в одну точку. У его ног лежал армейский вещмешок, и по нему женщина заключила: юноша возвращается домой с военной службы. Вот бы увидеть ценник, узнать, во сколько обошелся костюм... Неожиданно для себя она поняла, что пытается не разглядеть ярлычок, а заглянуть попутчику в глаза – карие, глубоко посаженные. Кожа плотно обтягивала череп, и это притягивало внимание.

Ощувив некоторое раздражение, женщина перевела взгляд на ярлык с ценой. Костюм стоил одиннадцать долларов и девяносто восемь центов. Удовлетворенная, миссис Хичкок успокоилась, вновь посмотрела на лицо молодого человека: нос – как клюв сорокопуга, от уголков рта тянутся длинные складки, волосы как будто слежались от постоянного ношения шляпы. Однако больше остального внимание приковали к себе глаза. Они были посажены столь глубоко, что казались уходящими во тьму тоннелями. Миссис Хичкок подалась вперед, желая заглянуть в них. Внезапно молодой человек развернулся к окну и почти так же неожиданно перевел взгляд обратно, на проход. А смотрел он на проводника.

Когда Хейз только сел в поезд, проводник – плотный мужчина с крупной желтоватой лысиной – стоял меж двух вагонов. Хейз остановился, и проводник взглядом указал ему на место в вагоне, куда следовало сесть. Хейз не шевельнулся, и негр раздраженно пояснил:

– Налево, налево.

Лишь тогда Хейз послушно проследовал в указанном направлении.

– М-да, – произнесла миссис Хичкок, – в гостях хорошо, а дома лучше.

Хейз посмотрел на плоское румяное лицо под шапкой рыжих волос. Женщина села в поезд две станции назад. Хейз ее прежде ни разу не встречал.

– Мне надо поговорить с проводником, – сказал он, встал и направился по проходу к проводнику, который в это время начал готовить спальные места. Остановившись рядом, молодой человек облокотился на ручку сиденья. Проводник, не обращая на него внимания, продолжал расправлять ширму.

– Долго ты готовишь одно купе?

– Семь минут, – не глядя на Хейза, ответил негр.

Присев на подлокотник, Хейз сказал:

– Я из Истрода.

– Ошиблись поездом. Вам на другую линию надо.

– Еду в город. Я лишь имел в виду, что родился в Истроде.

Проводник не ответил.

– Истрод, – громче повторил Хейз.

Задернув ширму, проводник произнес:

– Спальное место приготовить? Или что вам еще надо?

– Истрод, это рядом с Мелси.

Проводник опустил спальную полку с одной стороны.

– Я из Чикаго. – Опустив вторую полку, он нагнулся, и на шее у него проступили три мясистые складки.

– Ну да, заметно, – насмешливо ответил Хейз.

– Вы ноги в проход выставили. Кто-нибудь о них споткнется, – заметил проводник, резко разворачиваясь и проходя мимо.

Подскочив, Хейз выгнулся, будто подвешенный к потолку за веревочку.

Проводник двинулся в другой конец вагона, прекрасно удерживая на ходу равновесие. Хейз узнал его – черномазого по имени Паррум, из Истрода. Вернувшись к себе на место, Хейз ссутулился и поставил одну ногу на трубу, проходящую вдоль стенки, под окном. Разум его наполнился воспоминаниями об Истродe, постепенно перекинувшись на внешний мир, заполнившими пространство вокруг поезда и дальше, над пустыми, погружающимися в сумерки полями. Хейз заметил два дома, и дорогу цвета ржавчины, и негритянские лачужки, и сарай, и стойло, на стене которого трепетал клочок красно-белого плаката с рекламой банковских услуг.

– Так вы домой едете? – спросила миссис Хичкок.

Кисло взглянув на нее, Хейз стиснул в пальцах поля шляпы.

– Нет, не домой, – ответил он с резким гнусавым теннессийским акцентом.

Миссис Хичкок поведала, дескать, и она – не домой. А еще – что она до замужества носила фамилию Уэзермэн и что сейчас направляется во Флориду к замужней дочери Саре Люсиль. И что прежде на столь длинную поездку времени никак не хватало: слишком быстро происходят события, сменяя друг друга, и жизнь летит с такой скоростью... Не поймешь, молод ты или стар.

Спроси миссис Хичкок – и Хейз ответил бы: да, мол, она старая. Через некоторое время юноша попросту перестал ее слушать. В проходе вновь появился проводник – прошел мимо и даже не взглянул на Хейза.

Миссис Хичкок успела забыть, о чем говорила.

– Похоже, вы и сами к кому-то в гости едете?

– Мне надо в Толкинге, – сказал Хейз, ерзая на сиденье и отворачиваясь к окну. – Никого там не знаю, но хочу провернуть одно дельце. Никогда прежде такого не делал.

Искоса глянув на миссис Хичкок, Хейз криво улыбнулся.

Миссис Хичкок сказала, что знает в Толкинге некоего Альберта Спаркса, зятя ее свояченицы, который...

– Толкинге – не мой дом, – перебил ее Хейз. – Я просто еду туда, вот и все.

Миссис Хичкок заговорила было снова, и Хейз опять перебил ее:

– Вон тот проводник – мой земляк. Хотя говорит, что родился в Чикаго.

Миссис Хичкок заявила, будто бы знает одного человека из Чи...

– Смотрю, вам все равно, куда ехать.

Миссис Хичкок заметила, что время взаправду летит неуловимо. Она пять лет не видела племянников и вряд ли признает их, увидев сейчас. Всего племянников, детей сестры, у нее трое: Рой, Буббер и Джон Уэсли. Джону Уэсли шесть лет, и он написал письмо «дорогой отушке». «Отушка», так ее, тетушку, зовут племянники; ее муж для них – ядушка (то есть дядюшка).

– Думаете, вы спасены? – спросил Хейз.

Миссис Хичкок поправила воротничок.

– Думаете, вы спасены? – переспросил Хейз.

Зардевшись, миссис Хичкок помедлила, ответив после, дескать, да, она так считает и жизнь для нее – дар Божий. Потом поинтересовалась, не голоден ли Хейз и не составит ли он ей компанию в вагоне-ресторане.

Нацепив черную-пречерную шляпу, Хейз поднялся и последовал за миссис Хичкок.

В переполненный вагон-ресторан выстроилась порядочная очередь. Хейз и миссис Хичкок прождали своего времени полчаса, раскачиваясь в проходе и ежеминутно вжимаясь в стенки, дабы пропустить живой поток. Миссис Хичкок нашла собеседницу, тогда как Хейзел Моутс молча смотрел перед собой. Миссис Хичкок рассказывала о том, как ее зять работает в Управлении городским водопроводом, а женщина в ответ – о кузене, умирающем от рака гортани.

Наконец очередь подошла настолько близко к входу в ресторан, что стало видно, как внутри официант рассаживает пассажиров за столики и раздает им меню. То был белый мужчина с набриолиненными черными волосами – под стать лоснящемуся черному костюму. Похожий на ворона, официант метался от столика к столику; когда он пригласил войти еще двоих, Хейз и миссис Хичкок с собеседницей придвинулись к самому входу. Наконец двое или трое человек вышли, освободив места, и миссис Хичкок с собеседницей прошли в ресторан. Хейз – за ними.

– Только двое, – оттолкнул его официант.

Хейз побагровел. Развернувшись, он протиснулся мимо мужчины, стоявшего за ним в очереди, и направился было обратно в свой вагон, однако в проходе столпилось слишком много народу. Никто не хотел уступать. Наконец из-за самого дальнего столика поднялась женщина, и официант махнул рукой, приглашая на ее место следующего. Хейз втиснулся в проход между столиками, по пути умудрившись упасть на два из них и обмакнуть руку в чей-то кофе. Официант усадил Хейза за столик с тремя молоденькими девицами, разодетыми в пух и прах.

Руки с острыми красными ноготками они держали на столе. Не снимая шляпы, Хейз сел и вытер руку о скатерть. Девы закончили трапезу и теперь, болтая, курили. Когда пришел Хейз, они умолкли. Официант стоял над душой, и Хейз ткнул пальцем в первое же блюдо в меню.

– Выпиши название, сынок, – сказал официант и подмигнул одной из девиц – та слегка хрюкнула.

Выписав название блюда, Хейз отдал меню официанту, и тот ушел.

Хейз мрачно и напряженно уставился на шею девицы напротив. Через равные промежутки времени точку, в которую смотрел Хейз, перекрывала рука с сигаретой: она шла вверх, затем вниз, пропадала из виду, ложась на стол, а через секунду в лицо Хейзу била струя табачного дыма. Спустя три или четыре затяжки Хейз посмотрел девице в лицо – наглое, как у бойцового петушка, в маленькие глазки, нацеленные прямо на него.

– Если вы спасены, – произнес Хейз, – то мне такого спасения даром не надо.

Он отвернулся и посмотрел в окно – на свое бледное, полупрозрачное отражение, сквозь которое проступал вечерний пейзаж. Мимо, разрезая воздух, пронесся товарный состав, и одна из девиц захохотала.

– По-вашему, я верю в Иисуса? – наклонившись к ней, спросил Хейз еле слышно, как будто воздуха в легких совсем не осталось. – Я не уверовал бы в него, живи он на самом деле. Путешествуй он с нами в одном вагоне – и то не уверовал бы.

– Да кому нужна ваша вера? – спросила в ответ девица с ядовитым восточным выговором. Хейз подался назад.

Официант принес ужин, и Хейз принялся за еду – поначалу неспешно, но постепенно набирая темп, а девицы смотрели, как ходят у него на скулах желваки. Заказал Хейз нечто с яйцами и печенкой; доев это блюдо и выпив кофе, он вынул из кармана деньги. Заметив наличность, официант, однако, не поспешил принести счет. Каждый раз, проходя мимо, он подмигивал девицам и косился на Хейза. Миссис Хичкок с собеседницей давно уже поели и покинули вагон-ресторан. Когда наконец принесли счет, Хейз грубо сунул деньги официанту и протиснулся мимо него к выходу.

Задержавшись в тамбуре, где был какой-никакой свежий воздух, Хейз свернул себе самокрутку. Заметив проводника, он крикнул:

– Эй ты, Паррум!

Негр не остановился.

Хейз проследовал за ним. Все спальные места в вагоне уже были готовы. Билетер на вокзале продал Хейзу место в купе, сказав, что иначе придется ехать сидя всю ночь. Хейзу досталась верхняя полка. Стянув с нее вещевой мешок, он отправился в уборную и там переоделся. Сытый Хейз спешил принять лежачее положение – лечь и смотреть в окно, как мимо проносятся ночной сельский пейзаж.

Знак в купе сообщал, что проводник должен помочь пассажиру забраться на полку. Закинув мешок наверх, Хейз выглянул в коридор в поисках черномазого. Не заметив его в одном конце вагона, Хейз пошел искать в другом. Свернув за угол, он наткнулся на нечто розовое и плотное – ахнув, оно пробубнило:

– Осторожнее!

Это была миссис Хичкок в розовом пеньюаре с волосами, убранными в узелки, которые обрамляли голову на манер темных жабьих камней.

Женщина посмотрела на Хейза с сильным прищуром и попыталась протиснуться мимо, а Хейз – пропустить ее, однако оба одновременно перемещались то влево, то вправо. Лицо миссис Хичкок налилось пурпурной краской (за исключением нескольких бледных пятнышек на лбу). Она встала и, подбоченившись, спросила:

– Что это с вами?

Улучив момент, Хейз прошмыгнул мимо нее и побежал дальше по коридору. Налетел на проводника и сбил его с ног.

– Идем, поможешь мне залезть на койку, Паррум.

Встав на ноги, шатаясь, проводник удалился по коридору и через некоторое время вернулся – с каменным лицом, неся лестницу. Хейз подождал, пока негр приставит ее к полке, затем стал взбираться к себе. На полпути он обернулся и произнес:

– Я помню тебя. Твой отец – черномазый по имени Кэш Паррум. Но домой ты не вернешься, да и никто не вернулся бы, даже если бы захотел.

– Я из Чикаго, – раздраженно ответил проводник. – И зовут меня не Паррум.

– Кэш помер. Подцепил холеру от свиньи...

Дернув нижней губой, проводник произнес:

– Мой отец – железнодорожник.

Хейз рассмеялся, а негр выдернул из-под него лестницу. Хейз чуть не грохнулся на пол. Некоторое время он пролежал на животе, цепляясь за простыни, не шевелясь. Потом перевернулся и, заметив, что тьма не абсолютна, огляделся: окна нет, ширма полностью скрывает спальное место, оставляя узкую щелку под изогнутым верхом, которую, казалось, можно было открыть и закрыть по желанию.

Какое-то время Хейз лежал неподвижно; в горле у него застряло что-то плотное, с яичным привкусом. Хейз боялся повернуться – вдруг это нечто в горле пошевелится. Вот бы свет выключить. Хейз, все так же лежа на спине, протянул руку вверх и нащупал кнопку, нажал ее, и спальное место погрузилось во тьму, которая почти сразу рассеялась – от бледного света,

проникающего из коридора сквозь узкую щелку. Хейз хотел совсем выключить свет, не ослабить его. В коридоре послышались шаги негра – ровные, уверенные; он прошел мимо, задевая зеленые ширмы, и вот поступь его стихла. Когда Хейз уже почти уснул, ему показалось, будто он вновь слышит ее, – проводник прошел мимо, задев ширму, не останавливаясь.

В полудреме купе казалось Хейзу гробом. Впервые он видел гроб на похоронах деда: ящик оставили в доме на ночь, подперев крышку хворостиной. Маленький Хейз смотрел на мертвеца и думал: уж его-то в гробу не заколотят. Когда дед станут накрывать крышкой, он выставит в щель локоть. Дед служил приходским священником и человеком был язвительным; он побывал в трех округах, неся засевшее в мозгу пчелиным жалом Слово Христа. Когда пришло-таки время погребения, старика в гробу накрыли крышкой и опустили в могилу, а он и не шевельнулся.

У Хейза было два маленьких брата: самый младший умер вскоре после рождения, и его похоронили в маленьком ящичке; среднего в семилетнем возрасте задавила машина, и гроб ему справили в половину обычной меры. Когда закрывали крышку, Хейз подбежал и вновь открыл ее. Народ шептался, дескать, у маленького Хейза разбито сердце, ему больно прощаться с братишкой, однако на деле Хейз представил, будто в гробу лежит он сам.

Потом Хейзу приснились похороны отца. Старик встал в гробу на четвереньках и прокричал:

– Пока мой ящик не коснулся земли, никто меня в нем не закроет!

Гроб принесли на кладбище, сбросили в могилу, и отец лег в нем, как и полагается покойнику.

Поезд дернулся, и Хейз пробудился. Спросонья он подумал, что о ту пору в Истроде, наверное, жило человек двадцать пять, из которых трое – Моутсы. Теперь в Истроде ни Моутсов, ни Эшфилдов, ни Блейзенгеймов, ни Фейзов, ни Джексонсов... ни Паррумов. Черномазых и то не осталось. По дороге Хейз видел потемневший заколоченный магазин, покосившийся сарай и маленький домик, съехавший с фундамента, без крыльца и пола в гостиной.

Когда Хейз покидал родные пенаты, все было иначе и в Истроде оставалось еще десять человек, хотя Хейз и не заметил, как число жителей сократилось со времен его отца. Хейз покинул дом в восемнадцать лет – армия призвала его в свои ряды. Сначала парень думал прострелить себе ногу, остаться дома и сделаться священником, как дед. Священник вполне может быть и хромым, его сила – в голосе, языке и руках. Дед на автомобиле «форд» успел объехать три округа. Каждую четвертую субботу он садился в машину и гнал в Истрод спасать тамошних людей от геенны огненной; приехав на место и еще не успев покинуть машины, начинал громогласную проповедь. Люди толпились у «форда», словно бы дед того и ждал. Затем он забирался на капот машины; продолжая проповедь, по временам вскарабкивался на самую крышу и вещал уже оттуда.

«Вы, люди, словно камни, – кричал дед. – Но Иисус спас всех. Его душа на земле была столь одинока, что Он умер – за всех отдал жизнь, отдал, спасая души людей! Понятно ли? За каждую окаменевшую душу Иисус умер миллионом смертей, Его распинали, пригвозждая к кресту, по миллиону раз за каждую душу! – В этот момент старик указывал на Хейза, к которому питал особое отвращение, поскольку мальчик вышел точная копия деда, и дед видел в том издевательство. – Понятно ли, что и за этого мелкого, глупого грешника, стоящего тут и сжимающего грязные кулачишки, Иисус умрет десять миллионов раз и лишь потом дозволит потерять душу? Спаситель будет гнаться за мальчиком по глади моря грехов. Ясно ли, что Христос ходит по глади моря грехов, аки посуху? Мальчик спасен, и Христос не оставит его во веки вечные. Не позволит забыть о Спасении. Ибо что, по разумению грешника, ждет человека в конце? А ждет человека Иисус!»

Мальчик не хотел слушать дедовых проповедей. Глубоко в его душе созрела темная бессловесная убежденность: уйти от Спасителя можно, избавившись от греха. В свои двенадцать

лет Хейз уже знал, что станет проповедником. Позднее Иисус явился ему в отдаленном уголке воображения: Спаситель, эта страшная, оборванная фигура, переходил от дерева к дереву, маня Хейза за собою во тьму, где не видно, что под ногами. Он вполне мог заманить Хейза на водную гладь, и Хейз, не ведая глубины, ступил бы на нее и утонул.

Ему хотелось остаться в Истроде, где глаза смотрят ясно, в руках – привычный инструмент, под ногами – знакомая почва и с языка не слетает лишнего слова. Когда же армия призвала Хейза, тот решил: это уловка, дабы ввести его во искушение. И он бы прострелил себе ногу, если бы не верил твердо в силу души, в то, что вернется, отслужив положенный срок, непорочным. От деда Хейзу досталось не только лицо, но и крепкая вера в способность противостоять злу. Если бы правительство задержало Хейза в армии дольше, чем на четыре месяца, он так и так оставил бы службу. Четыре месяца, не больше – столько в восемнадцать лет Хейз и думал отдать стране, однако отдал четыре года жизни. Ни разу не приехав домой.

На службу он прихватил с собой Библию в черном кожаном переплете и материнские очки в серебряной оправе. Хейз ходил в сельскую школу, где научился писать и читать, а заодно тому, что учение для него бесполезно. За всю жизнь он прочел одну лишь Библию. Взрослый Хейз к Писанию обращался нечасто и надевал очки, которые чересчур утомляли глаза, и прекращать чтение приходилось довольно скоро.

Любому, кто предложил бы осквернить себя, Хейз намеревался ответить, дескать, он родом из Истрода, что в Теннесси, куда и намерен позже вернуться, дабы нести Слово Господне людям; дескать, ни правительству, ни любой другой стране, куда бы ни определила Хейза военная служба, не соблазнить его на грехопадение.

Проведя несколько недель в военном лагере в компании друзей – не друзей, конечно, в привычном понимании этого слова, но сослуживцев, – Хейз наконец дождался заветного момента приглашения. Достав из кармана очки и нацепив их на нос, он ответил: ни за миллион долларов, ни за пуховую перину он не пойдет никуда; он родом из Истрода, что в Теннесси, и его душу не осквернить ни правительству, ни любой другой стране, куда бы... Однако голос юноши дрогнул, и речь осталась незавершенной. Хейз, пытаясь крепиться, смотрел на товарищей, и те заявили: никому его чертова душонка не нужна, разве только священнику. На это Хейз выдавил из себя: ни один священник, ни даже папа римский не соблазнят его, Хейза, на грех. Сослуживцы сказали, мол, нет у человека никакой души, и скопом отправились в бордель.

Хейз долго пытался поверить им и наконец поверил, потому как верить хотел. Хотел поверить и тем избавиться от души. Он углядел замечательную возможность избавиться от нее без грехопадения, обратившись ко злу. Армия отослала Хейза за полмира от дома и позабыла его. Парня ранили, и армия вновь вспомнила о нем – лишь для того, чтобы выковырять из груди шрапнель. Врачи якобы извлекли все осколки, однако ни одного не показали. И потому Хейз считал, будто в груди у него еще оставался металл – ржавея и отравляя кровь.

Затем Хейза отправили в другую пустыню и вновь наглухо позабыли о нем. У Хейза появилось достаточно времени, дабы заглянуть в глубь себя и убедиться: души у него нет. Когда убеждение окрепло, Хейз понял: в груди жжет от давно знакомого чувства – тоски по дому. И Иисус тут совсем ни при чем.

Когда же армия отпустила Хейза, он тешил себя мыслью, что остался непорочен. Единственное, чего ему хотелось, – вернуться домой, в Истрод. Библия в черном кожаном переплете и очки лежали в целостности и сохранности на дне вещмешка. Ни одной книги Хейз так и не прочел, и Библию хранил как память о доме. Очки же таскал при себе – на случай если зрение все же ослабнет.

Два дня назад, отслужив, Хейз оказался в городе за три сотни миль к северу от желанного места и напрямик отправился в билетную кассу железнодорожного вокзала. Там купил билет до Мелси, ближайшей от Истрода станции. Ждать оставалось еще четыре часа, и Хейз заглянул в лавантерю. Лавка была узкая, в ней пахло картоном, и чем дальше Хейз проходил, тем

глубже становился царивший в магазинчике сумрак. Купив синий костюм и черную шляпу, Хейз попросил упаковать армейскую форму в бумажный пакет, который выбросил в мусорку на углу. На улице он заметил, что костюм ярко-синий, а контуры шляпы как будто стали жестче.

В пять вечера Хейз прибыл в Мелси, где сел на попутный грузовик, везущий хлопковые семена. С ним преодолел половину расстояния до Истрода. Вторую половину пути Хейз шел пешком и домой добрался к девяти, когда только-только стемнело.

Родной дом стоял черен, как сама ночь, открытый для нее; покосившийся забор и сорняки, проросшие сквозь доски веранды, Хейз заметил тотчас же, но то, что от дома остался один лишь костяк, выеденная скорлупа, осознал не сразу. Свернув в трубочку конверт и подпалив его от спички, Хейз вошел внутрь и побрел по пустым комнатам. Когда первый конверт догорел, Хейз запалил другой и вновь отправился бродить по пустому строению. В ту ночь он спал на полу кухни; от потолка отвалилась доска и упала Хейзу прямо на голову, оцарапав лицо.

В доме ничего не осталось, кроме платяного шкафа. Мать всегда спала на кухне, и потому шкаф из орехового дерева перетащили туда же. Миссис Моутс заплатила за него тридцать долларов и больше не позволяла себе крупных покупок. Кроме мотка шпагата в верхнем ящике, Хейз не нашел ничего. Странно, что никто не пришел и не украл такой шкаф. Примотав его ножки к половицам, Хейз оставил в каждом ящике по записке: «Это шкаф Хейзела Моутса. Кто украдет – того догоню и убью».

Засыпая, он думал, что матери спокойнее в могиле теперь, когда шкаф охраняется. Пусть приходит как-нибудь ночью и посмотрит. А вдруг-таки придет? Со встревоженным лицом, которое Хейз видел в щелочку под крышкой гроба. Хейзу тогда было шестнадцать лет. Когда гроб накрывали крышкой, на лицо матери упала тень и уголки губ словно оттянуло вниз – покойнице как будто не понравилась смерть. Казалось, она вот-вот выпрыгнет из гроба, откинув крышку, и полетит искать радости... но гроб заколотили.

У матери вполне могло возникнуть желание выпрыгнуть из него, улететь. Хейз видел ее во сне – страшную, похожую на гигантскую летучую мышь, как она вырывается из гроба, летит, но ее настигает и прихлопывает тьма. Хейз видел изнутри, как темнота сгущается, отрезая путь в гроб свету, а проснувшись, понял: щель, сквозь которую льется из коридора бледный свет, закрывается. Он подскочил и просунул в нее голову и плечи. Повиснув на ширме, заметил в дальнем конце вагона проводника – тот белым пятном застыл в темноте коридора и смотрел на Хейза.

– Я болен, – позвал Хейз. – Меня нельзя запирасть в этой штуковине. Выпустите.

Проводник не пошевелился.

– Господи, – произнес Хейз. – Иисусе.

По-прежнему не двигаясь с места, проводник с мрачным торжеством в голосе ответил:

– Иисуса давно уже нет.

Глава 2

В город он приехал только к шести вечера. Когда поезд остановился на узловой станции, Хейз вышел подышать воздухом, зазевался, и поезд ушел без него. Хейз побежал следом, но с головы сорвало шляпу, и пришлось мчаться в обратную сторону. По счастью, Хейз прихватил вещмешок с собой – дабы из него никто ничего не стянул. Он прождал шесть часов, пока не прибыл другой поезд в нужную сторону.

Едва сойдя на станции в Толкингеме, Хейз обратил внимание на огни и вывески: «Орешки», «Вестерн юнион», «Аякс», «Такси», «Отель», «Сласти»... Большая часть вывесок была электрическая, они то поднимались, то опускались или безумно мигали. Хейз медленно побрел по станции, прижимая к груди вещмешок, глядя по сторонам – сначала на одну рекламу, потом на другую... Пройдя станцию от начала до конца, Хейз вернулся, словно намереваясь сесть на следующий поезд и уехать. Под полями шляпы его лицо выглядело решительным и суровым. Пусть никто не узнает, что Хейзу некуда податься. Раза два или три он прошелся вдоль зала ожидания, однако присаживаться на лавку не стал. Хотелось найти уединенное местечко.

Хейз отошел в торец вокзала и толкнул перед собой дверь; черно-белая надпись гласила: «Мужской туалет. Для белых». Хейз вошел в узкое помещение, по одну сторону которого тянулись ряды моек, по другую – деревянные кабинки. Стены, некогда веселого ярко-желтого цвета, ныне приобрели грязно-зеленый оттенок и были покрыты различными надписями да изображениями частей тел, как мужских, так и женских. На каких-то кабинках еще сохранились дверцы, и на одной красовалась надпись цветным карандашом: «Добро пожаловать!!!», а рядом – нечто похожее на змея. Эту кабинку Хейз и выбрал.

Усевшись на стульчак, он принялся изучать надписи, сделанные изнутри, пока не наткнулся на одну, видимо, оставленную пьяной рукой (на левой стенке, над туалетной бумагой): «Миссис Леора! Бакли-роуд, 60. Самая гостеприимная постель в городе! Брат».

Достав из кармана карандаш, Хейз записал адрес на оборотной стороне конверта.

Покинув здание вокзала, он поймал желтое такси и назвал водителю – коротышке в большой кожаной кепке и с сигарой в зубах – адрес. Через несколько кварталов Хейз заметил, что таксист косится на него в зеркало заднего вида.

– Ты ведь не ее дружок, верно? – спросил водитель.

– Первый раз к ней еду, – ответил Хейз.

– Откуда знаешь про нее? Не часто она проповедников принимает. – Разговаривал таксист уголками рта, держа сигару точно посередине.

– А я и не проповедник, – нахмурился Хейз. – Имя и адрес списал в туалете.

– Выглядишь как святоша. Шляпа проповедничья.

– Неправда, – возразил Хейз, наклоняясь и кладя руку на спинку переднего сиденья. – Шляпа как шляпа.

Такси остановилось у небольшого одноэтажного дома между бензоколонкой и пустырем. Покинув автомобиль, Хейз сунул деньги водителю в окно.

– Не только в шляпе дело, – подсказал таксист. – Взгляд у тебя этакий...

– Послушайте, – произнес Хейз, прикрывая полями один глаз, – никакой я не проповедник.

– Понимаю. Никто на этой Божьей зеленой земле не совершенен, будь то поп или кто иной. Лучше всего проповедник расскажет об ужасе греха, если знает о нем не понаслышке.

Хейз наклонился к самому окну, случайно ударившись лбом и шляпой о кузов машины. Шляпа села ровно, выражение на лице разгладилось.

– Слушайте сюда и запомните: ни во что я не верю.

Таксист вынул изо рта пенок сигары.

– Прямо вот так и не веришь? – спросил он, изумленно раскрыв рот.

– Повторять не собираюсь.

Водитель снова взял сигару в зубы.

– В этом ваша беда, проповедники, – произнес он. – Вы слишком хороши, чтобы верить во что-то.

Сказав так, он уехал с выражением надменного благочестия на лице.

Хейз обернулся к дому: тот был немногим больше хибары, в одном окне горел теплый свет. Подойдя к крыльцу, Хейз заглянул в щелку в ставнях и увидел крупное белое колено. Затем отошел к передней двери и толкнул ее – оказалось не заперто, и Хейз прошел в небольшой затемненный коридор с дверьми по обеим сторонам. Дверь слева имела трещину – из нее в прихожую проникал узкий столбик света. Через щель Хейз увидел миссис Уоттс. Та сидела на белой железной кровати и большими ножницами стригла ногти на ногах. Это была крупная женщина: темно-желтые волосы и белое лицо, лоснящееся под слоем ночного крема, – в розовой сорочке, которая подошла бы даме куда меньших пропорций.

Хейз дернул за ручку, и миссис Уоттс обратила на дверь цепкий, смелый и пронзительный взгляд. С минуту она смотрела в сторону Хейза, а после вернулась к стрижке ногтей.

Хейз вошел и огляделся: из мебели в комнате стояли кровать, комод и кресло-качалка, заваленная грязным бельем. Хейз приблизился к комоду и потрогал пилку для ногтей, пустую баночку из-под желе, одновременно глядя на отражение миссис Уоттс в пожелтевшем зеркале. Слегка удивленная, она смотрела на гостя и улыбалась. Чувствуя, как нервы напряглись до предела, Хейз быстрым шагом преодолел расстояние до кровати и сел на дальний ее край. Глубоко вдохнул одной ноздрей и принялся осторожно водить ладонью по простыням.

Миссис Уоттс облизнула розовым язычком нижнюю губу. Она была рада Хейзу, словно старому другу.

Хейз слегка подвинул в сторону тяжелую и теплую ногу хозяйки. Рот миссис Уоттс раскрылся в широкой улыбке, обнажившей маленькие, острые, чуть зеленоватые и далеко отстоящие друг от друга зубы. Женщина схватила Хейза за руку, чуть повыше локтя, и медленно, растягивая слова, спросила:

– Охотишься на кого-нибудь?

Если бы не крепкая хватка миссис Уоттс, Хейз сиганул бы в окно. Рот юноши невольно исторг беззвучный ответ:

– Да, мэм.

– Задумал что-нибудь? – спросила миссис Уоттс, притягивая к себе Хейза.

– Послушайте, – тщательно подбирая слова, ответил он. – Я к вам по обычному делу.

Рот миссис Уоттс округлился, как будто хозяйка удивлялась столь расточительному употреблению слов.

– Чувствуй себя как дома, – просто сказала она.

С минуту они смотрели друг на друга не шевелясь. Затем Хейз голосом выше обычного предупредил:

– Вам следует знать: я, черт возьми, не священник.

Миссис Уоттс оглядела Хейза с легкой насмешкой и свободной рукой по-матерински пощекотала его за подбородок.

– Ну и ладно, сынок. Mamочка не возражает.

Глава 3

Следующим вечером Хейзел Моутс шел по центру города вдоль витрин магазинов, стараясь в них не заглядывать. Черное небо словно подпирали серебристые полосы, похожие на строительные леса, а позади них тысячи звезд складывались в неспешную постройку вселенной, которая завершится лишь к концу времен. Из горожан на небо никто не смотрел; для них в ночь четверга двери магазинов оставались открытыми – предоставляя лишнюю возможность зайти и присмотреть покупку. Тень плелась следом за Хейзом, временами забегая вперед или сталкиваясь с тенями прохожих; однако, предоставленная самой себе, она вновь отходила Хейзу за спину – такая тонкая, беспокойная, идущая назад.

Хейз шагал, вытянув шею, будто напав на след чего-то, что постоянно вытягивали у него из-под носа. От яркого света витрин синий костюм юноши казался пурпурным.

Через некоторое время Хейз остановился перед универмагом. У самого входа выставили карточный стол, на котором художник демонстрировал картофелечистку. Одетый в небольшую парусиновую шляпу и рубашку с рисунком в виде перевернутых фазанов, перепелов и бронзовых индеек, он старался говорить тихо, не перебивая уличного шума, – как в приватной беседе. У стола собралось несколько человек, а на самом столе стояли два ведра: пустое и полное картофельных клубней. Между ведрами художник сложил пирамидку из зеленых коробочек и на ее вершине оставил одну картофелечистку открытой, готовой для демонстрации. Поверх этого своеобразного алтаря художник указывал то на одного человека, то на другого, призывно повторяя: «Как насчет вас?» Вот он выбрал мокроволосого прыщавого парнишку и произнес:

– Ты ведь не пройдешь мимо?

Он опустил в машинку – квадратный металлический ящик – картофельный клубень и принялся вращать красную ручку. Клубень провалился в недра машинки и через секунду выпал из нее в пустое ведро – чистый, белый.

– Мимо не пройдете!

Парнишка загоготал и обернулся на других собравшихся. У него были желтые волосы и лицо, похожее на лисью мордочку.

– Тебя как звать? – спросил продавец.

– Енох Эмери, – ответил парнишка и шмыгнул носом.

– Юноша с таким звучным именем не может не иметь столь замечательной вещи, – провозгласил художник, закатывая глаза и стараясь разогреть остальную публику.

Кроме парня, никто не рассмеялся. Поначалу. Затем человек напротив Хейзела Моутса издал смешок – неприятный, резкий. Это был высокий, похожий на мертвеца мужчина в черном костюме, брюнет, в темных очках. Из-за полос на скулах, словно бы нарисованных и выцветших, мужчина казался похожим на оскалившегося мантрила. Отсмеявшись, он выступил вперед, неся в одной руке чашку, а во второй белую трость – ею он ощупывал дорогу впереди себя. Вслед за мужчиной несла брошюры девушка в черном платье и глубоко натянутой на лоб черной вязаной шапочке, из-под которой выбился краешек каштановой челки. Лицо у девушки было длинное, носик – короткий и острый.

Внимание публики тут же обратилось на черную пару, отчего торговец картофелечистками немало разозлился.

– Как насчет тебя, да, тебя? – позвал он, указывая на Хейза. – Ни в одном магазине такой выгодной покупки тебя не ждет.

Хейз посмотрел на слепца и девушку.

– Эй! – позвал Енох Эмери, потянувшись мимо женщины и толкая Хейза в плечо. – С тобой говорят! С тобой.

Еноху пришлось толкнуть Хейза дважды, прежде чем тот обратил наконец внимание на продавца.

– Купи одну из этих штучек и отнеси домой женочке!

– Нет у меня жены, – пробормотал Хейз, вновь отворачиваясь и глядя на слепца с девушкой.

– Зато есть любимая мать-старушка?

– Нет.

– Фу-ты ну-ты, – произнес худолицый, складывая ладони чашечкой и обращаясь к публике. – Значит, ему нужна такая штучка для себя, чтобы не остаться совсем одному.

Енох Эмери от смеха согнулся пополам и хлопнул себя по коленкам. Хейзел Моутс как будто ничего не слышал.

– Первому, кто купит у меня картофелечистку, я бесплатно отдам полдюжины очищенных клубней, – заявил худолицый. – Ну, поспешите! Всего полтора доллара за машинку, которая в любом другом месте стоила бы все три!

Енох Эмери принялся рыться в карманах.

– Вы еще благословите тот день, когда повстречали меня, – посулил худолицый. – Вы его не забудете. Никто из тех, кто приобрел у меня такую машинку, не забудет сегодняшний день!

Слепец осторожно выступил вперед, бормоча:

– Помогите слепому проповеднику. Если не желаете покаяться, так хотя бы подайте пять центов. Я распоряжусь ими не хуже вас. Помогите слепому безработному проповеднику. Разве не лучше, когда священник просит подаяния? Ну же, подайте пять центов, если не желаете каяться.

У стола и без того собралось не много народу, а заслышав слепца, люди начали расходиться. Продавец машинок, сверкая глазами, перегнулся через стол.

– Эй, ты! – закричал он слепцу. – Ты что себе позволяешь? Распугал покупателей!

Слепой священник не обратил на него внимания. Продолжая звенеть кружкой, он шел себе дальше; девушка раздавала брошюры. Пройдя мимо Еноха Эмери, священник приблизился к Хейзу и чуть не ударил его по ноге тростью. Наклонившись к лицу проповедника, Хейз заметил, что полосы на лице – не рисунок, а шрамы.

– Какого черта! – продолжал орать продавец машинок. – Я собрал этих людей, так что не встравай!

Девушка протянула брошюру Хейзу, и тот схватил бумаги, на лицевой стороне которых надпись гласила: «Иисус зовет к тебе».

– Да кто ты такой, черт возьми?! – не унимался худолицый.

Девочка подошла к нему и протянула бумаги. Глянув на них и скривившись, продавец картофелечисток резко вышел из-за стола. На ходу он опрокинул ведро с картошкой.

– Проклятые фанатики! – заорал он, оглядываясь и ища взглядом слепца.

Постепенно собирался народ, желая поглазеть из-за чего сыр-бор.

– Чертовы коммунисты! Понаехали! – вопил продавец. – Это я толпу собрал!.. – Он резко умолк, заметив, что у стола и правда собралась куча народу.

– Люди, люди, – сменил тон худолицый, – не толпитесь, по одному, на всех хватит. Полдюжины клубней первому, кто купит у меня картофелечистку. – Он вернулся на место и спокойно стал показывать коробочки с машинками. – Подходите, не толкайтесь – на всех хватит.

Полученную от девушки брошюру Хейз открывать не стал. Он лишь взглянул на обложку последний раз и разорвал бумаги пополам. Затем сложил половинки и порвал снова. Рвал брошюру до тех пор, пока от нее не осталась пригоршня конфетти. Уронив их на землю, Хейз обернулся и увидел, что девушка стоит не далее как в трех футах от него. Стоит и смотрит, раскрыв рот, блестящими глазками, похожими на два осколка бутылочного стекла. На боку у

девушки висела джутовая сумка. Хейз, сердито глядя на спутницу слепого, в ответ принялся вытирать липкие руки о штанины брюк.

– Я тебя видела, – сказала девушка и поспешила отойти к слепцу, который стоял сейчас у карточного стола. Оттуда она снова обернулась и посмотрела на Хейза. Почти вся толпа к тому времени рассосалась.

Продавец картофелечисток перегнулся через стол к слепому проповеднику и спросил:

– Эй, понял, а? Понял, как в чужие дела вмешиваться?

– Гляньте, – сказал Енох Эмери. – У меня всего доллар шестнадцать, но я...

– Ага! – воскликнул худолицый. – Будешь знать, как срывать торговлю. Я продал восемь машинок. Продал...

– Дайте мне одну, – попросила девушка, указав на коробочки.

– Деньги, – ответил худолицый.

Достав завязанный узелком платочек, девушка извлекла из него две пятидесятицентовые монеты и протянула их продавцу.

– Дайте мне одну машинку, – повторила она.

Продавец взглянул на мелочь и скривил рот.

– Доллар с половиной, сестренка.

Быстро убрав руку, девушка обернулась на Хейзела Моутса, словно тот окликнул ее. Секунду глядела на него, затем последовала за уходящим слепцом. Хейз глядел ей вслед.

– Слушай, – произнес Енох Эмери, – у меня доллар и шестнадцать центов. Хочу себе такую...

– Оставь, – ответил продавец, убирая со стола ведра. – Тут тебе не распродажа.

Хейз смотрел в спину слепому проповеднику, теребя карман, словно не решаясь: опустить в него руку или нет. Наконец он вынул два доллара, бросил их на стол продавцу и, схватив коробочку с картофелечисткой, побежал вниз по улице. Через секунду его нагнал Енох Эмери.

– Ого, да у тебя куча денег, – запыхавшись, произнес он.

Девушка тем временем нагнала слепого священника и взяла его под локоть. Эти двое обошли Хейза примерно на квартал. Хейз замедлил шаг и, обернувшись, заметил Еноха Эмери. На Енохе был желтоватый костюм, розовая рубашка и галстук цвета зеленого горошка. Парень улыбался и вообще походил на дружелюбного непоседливого пса.

– Ты здесь давно? – спросил Енох.

– Два дня, – пробормотал Хейз.

– А я два месяца. Работаю на город. А ты где?

– Я вообще не работаю.

– Плохо, – протянул Енох и прыгнул чуть вперед, чтобы поравняться с Хейзом. – Мне восемнадцать, я тут всего два месяца и уже работаю на город.

– Молодец, – ответил Хейз и, сдвинув шляпу на бок – в ту сторону, с которой шел Енох, – ускорил шаг. Слепец впереди принялся фальшиво кланяться направо и налево.

– Я что-то не расслышал твоего имени, – напомнил Енох, и Хейз представился.

– Ты, с виду, за теми деревенщинами топаешь, – заметил Енох. – Сильно веруешь?

– Нет.

– Ну и я нет, не особо. Я четыре недели ходил в Родмилльскую библейскую академию для мальчиков. Меня туда определила одна мадама. Забрала у папани и отправила в библейскую академию. Она из социальной службы была. Господи, четыре недели... думал, я стану блаженным.

Хейз дошел до конца квартала, Енох не отставал. Когда Хейз уже собрался перейти через улицу, Енох завопил:

– Ты что, огней не видишь? Надо ждать!

Регулировщик засвистел в свисток, и рядом затормозила машина. Хейз пошел через дорогу, не сводя глаз со слепого, который достиг середины квартала. К Хейзу, не прекращая свистеть, приблизился регулировщик и остановил его. У полицейского было худое лицо и овальные желтые глаза.

– Ты знаешь, чего ради над дорогой повесили вон ту штуку? – спросил он, указывая на светофор.

– Я ее не заметил, – признался Хейз.

Полицейский молча посмотрел на него. Рядом остановилось несколько прохожих, и коп скопил на них взгляд.

– Может, ты думал, что красный свет – для белых, а зеленый – для черномазых?

– Да, так и подумал. Можно идти?

Полицейский отпустил Хейза, уперев затем руки в бока. Отступив на шаг, он посоветовал:

– Передай своим друзьям: светофор иначе устроен. Красный свет значит «стой», а зеленый – «иди». Для всех он работает одинаково: для мужчин, женщин, белых и черномазых. Так и передай друзьям-деревенщинам, чтобы в городе не терялись.

Прохожие захохотали.

– Я присмотрю за ним, – сказал Енох, приближаясь к копу. – Мой друг здесь всего два дня. Я присмотрю за ним.

– Ты сам давно в городе? – спросил полицейский.

– Я тут родился и вырос. Толкингом мой родной город. Я присмотрю за приятелем для вас... Эй, ты куда? погоди! – Протолкавшись через толпу, он нагнал Хейза. – Я же спас тебя.

– Буду должен, – ответил Хейз.

– Да ладно, – отмахнулся Енох. – Может, заглянем в аптеку, возьмем по содовой? Пока рано, клубы закрыты.

– Не нравятся мне аптеки. Прощай.

– Будет тебе. Я все равно с тобой прогуляюсь, составлю компанию. – Он проследил за взглядом Хейза. – Я бы на твоём месте с деревенщинами не якшался. Особенно в такое время суток, да еще с фанатиками. С меня Иисуса хватит. Та мадама из социальной службы, забравшая меня у папани, целыми днями молилась. Мы с папаней жили при лесопилке, с ней переезжали. Когда приехали в Бунвилль, появилась та службистка. – Енох схватил Хейза за рукав пиджака. – Мне в Толкинге не нравится, на улицах много народу, – признался он. – Так и норовят сбить тебя с ног... Ну да ладно, пришла, значит, эта мадама, и я ей, похоже, глянулся. Мне тогда всего двенадцать исполнилось, и я хорошо пел гимны, которым научился у одного черномазого. Глянулся я, значит, мадаме, и она забрала меня в Бунвилль, жить с ней. Дом у нее кирпичный был, но она целыми днями молилась.

Тут в Еноха врезался невысокий мужчина в выцветшем комбинезоне.

– Смотри, куда прешь! – прорычал Енох.

Коротышка угрожающе поднял руку и по-собачьи оскалился.

– Это кто здесь вякает? – огрызнулся он.

– Видал? – заметил Енох Хейзу. – Все только и хотят, что сбить тебя с ног. Никогда еще такого враждебного места не видел. Тот же дом кирпичный. Я в нем с мадамой два месяца прожил, потом пришла осень, и она отправила меня в Родмилль. Я подумал: ну вот, облегчение. С мадамой ужиться не получалось. Она не старая была, лет сорока, зато страшная.

В коричневых очках, волосы такие жиденькие, что твоя подливка из свинины, по голове размазанная. Я обрадовался, думал, в академии проще. Я ведь однажды сбежал от службистки, она меня вернула и сказала, будто бы имеет на меня бумаги, по которым запросто может отправить меня в колонию, если не буду послушным. Вот я и радовался, что в академию отбываю. Ты в академии не учился, ни разу?

Хейз как будто не слышал вопроса.

– Ну, скажу тебе, обманулся я, – продолжил Енох. – Боже правый, какое там облегчение! Прошло четыре недели, и я ушел, и мадама вернула меня к себе. Я знал, черт возьми, что она так поступит, и все равно ушел из академии. – Енох с минуту помолчал. – Знаешь, как мне удалось бежать от службистки?

Секунду спустя Енох сам ответил:

– Я ее напугал вусмерть. Стал учиться и учиться, даже молился, просил Иисуса, чтобы он показал, как уйти от мадамы, не убив ее и не загремев в колонию. Потом в одно утро я проснулся и при свете дня вошел без портков к ней в спальню. Сдернул с мадамы одеяло, и у нее случился сердечный приступ. Затем я вернулся к папане, и больше мы этой шкуры не видели. Ты только зубами скрипишь, – заметил Енох, приглядевшись к Хейзу. – Не смеешься. Поди, ты из бедных вышел?

Хейз свернул на боковую улочку. Слепец и девушка дошли до угла, на квартал впереди.

– Кажись, догоним их в конце концов, – произнес Енох. – Ты в городе много людей знаешь?

– Нет, – ответил Хейз.

– И не узнаешь. В этом городе друзей завести трудно. Я тут два месяца, а все ни с кем не сдружился. Все так и норовят затоптать меня. Смотрю, с деньжатами у тебя порядок? У меня вообще ни гроша. Были бы деньжата, уж я бы нашел, куда их потратить.

Слепец и девушка остановились на углу и свернули налево.

– Догоняем, – сказал Енох. – Если не будем осторожны, то угодим на встречу фанатиков и будем распевать гимны с этой девкой и ее папашей.

В конце следующего квартала располагалось крупное здание с колоннами и куполом. К нему-то слепец и шел. Повсюду вокруг здания, через дорогу от него и по всей улице вверх и вниз стояли припаркованные автомобили.

– Это не кинотеатр, – заметил Енох.

Слепец с девушкой поднялись по ступеням ко входу, по бокам от которого восседали на пьедесталах каменные львы.

– И не церковь, – сказал Енох.

Хейз замер у крыльца, пытаясь придать своему лицу некое выражение. Наконец он надвинул шляпу на лоб и шагнул навстречу двоим, присевшим у каменного льва. Остановился перед слепцом и попробовал заглянуть за темные стекла очков. Девушка вытаращилась на Хейза.

Проповедник слегка поджал губы.

– Твое дыхание смердит грехом, – произнес он.

Хейз отшатнулся.

– Зачем ты меня преследуешь?

– И вовсе я вас не преследую.

– А она сказала, что преследуешь, – возразил слепец, ткнув большим пальцем в сторону девушки.

– Не преследую, – гнул свое Хейз. Сжав в руках коробочку с картофелечисткой, он посмотрел на девушку, на ровные края вязаной шапочки. Девушка коротко улыбнулась и тут же постаралась придать лицу прежнее выражение, будто почуяв дурное.

– Я и не думал вас преследовать, – повторил Хейз. – Я шел за ней.

И Хейз протянул девушке картофелечистку. Спутница слепого проповедника хотела уже схватить подарок, но передумала.

– Не надо мне ее. На что она мне? Забирай. Не надо!

– Быстро возьми, – одернул девушку слепец. – Спрячь в сумку и заткнись, пока я тебе не врезал.

Хейз вновь протянул девушке подарок.

– Не возьму, – пробормотала она.

– Я сказал: возьмешь, – повторил слепец. – Он не шел за тобой.

Наконец девушка сдалась: приняла коробочку и, сунув ее в сумку, произнесла:

– Она не моя. Себе не возьму.

– Я шел за девушкой сказать: зря глазки строила и несколько меня не очаровала, – заявил Хейз, глядя на проповедника.

– О чем ты?! – закричала девушка. – Не пялилась я на тебя. Я лишь смотрела, как ты рвешь брошюру. Он разорвал наши бумаги на мелкие кусочки, – сказала она, толкая проповедника в плечо. – Разорвал и просыпал на землю, как соль, и утер руки о штаны.

– Он шел за мной, – произнес слепец. – За тобой никто не пойдет. В голосе этого юноши я слышу тягу к Христу.

– Боже, – пробормотал Хейз. – Боже ж ты мой.

Он присел на ступеньку возле девушки и положил руку рядом с ее ногой. (Девушка была в кедах и черных хлопковых чулках.)

– Слышишь, как этот малый поминает Бога всуе, – сказала девушка. – Он не за тобой шел, папа.

Слепец резко рассмеялся.

– Послушай, юноша, – обратился он к Хейзу. – От Христа не сбежишь. Христос – Он есть.

– Я про Него кучу всего знаю, – вмешался Енох. – Меня службистка определила в Родмилльскую библейскую академию. Хотите узнать о Христе – спросите меня. – Он забрался на каменную зверюгу и сидел на ней, свесив скрещенные ноги по одну сторону статуи.

– Я много повидал, – произнес Хейз, – и могу поверить во что угодно. Я прошел полмира.

– Я тоже, – добавил Енох.

– Не так уж ты и далеко зашел, раз следуешь за мной, – ответил Хейзу слепец и внезапно накрыл ему ладонью лицо. Слегка растерявшись, Хейз отбил его руку.

– Прекратите, – слабым голосом велел он. – Вы обо мне ничего не знаете.

– Папаня мой выглядит Христос Христом, – заметил Енох со спины льва. – У него волосы до плеч, правда, шрам есть на подбородке... а маманю я не знаю.

– Тебя пометил проповедник, – хихикнув, сказал слепец. – Ты шел за мной, желая снять отметку или поставить новую?

– Послушай, – сказала девушка и положила руку на плечо Хейзу, – боль уйдет лишь Иисус.

Хейз, глубоко надвинувший на глаза шляпу, никак не ожидал от нее таких слов и такого жеста.

– Послушай, – снова, уже громче, заговорила девушка. – Жила одна пара, убившая ребенка. Этот ребенок был уродлив, и мать его не любила. Дитя несло Христа в своем сердце, а у матери не имелось ничего, кроме милого лица да любовника. Она отослала дитя прочь, но оно вернулось. Женщина снова отослала его прочь, и дитя вновь возвратилось. Сколько бы мать ни прогоняла ребенка, он всегда находил ее с любовником. Тогда они задушили чадо шелковым чулком и повесили в трубе дымохода. Правда, оно не оставило мать. Христос наградил дитя красотой, и оно являлось матери всюду, куда бы та ни взглянула. Она возлежала с любовником, и дитя глядело на них сквозь кирпичную кладку, сияя во тьме ночи.

– Господи Иисусе... – пробормотал Хейз.

– У матери была только внешность, – громче протараторила девушка. – Ее мало. Мало, любезный.

– Я слышу их шаги. Выходят, – заговорил слепец. – Доставай брошюры. Они выходят.

– Мало, мало, – повторяла девушка.

– Что будем делать? – спросил Енох. – Что в этом доме?

– Будем раздавать программки, – ответил слепец. – Моей пастве.

Девочка достала из сумки и вручила Еноху две стопки перетянутых шпагатом брошюр.
– Ты со вторым парнем ступай на ту сторону улицы и раздавай программы, – велел слепец дочери. – А мы с моим преследователем остаемся здесь.

– Нечего ему наши брошюры лапать. Он их только рвать горазд.

– Делай, что велено.

Секунду девушка стояла хмурясь, затем обратилась к Еноху Эмери:

– Ты! Если идешь – пошли.

Енох спрыгнул со спины льва и последовал за девушкой на другую сторону улицы.

Хейз шагнул было вниз по ступеням, и слепец вдруг схватил его за руку.

– Покайся! – прошептал он. – Поднимись на последнюю ступень крыльца и кайся в грехах, раздавай бумаги.

Он сунул Хейзу в руки стопку брошюр.

Хейз дернулся и тем ближе притянул к себе слепого проповедника.

– Послушайте, я не грешнее вашего.

– Ты блудил и богохульствовал. Что еще?

– Это просто ваши слова. Если я и грешил, то еще до того, как совершил хоть один проступок. Я чист. – Он попытался расцепить пальцы слепого священника, но тот лишь крепче обхватил запястье Хейза. – Я не верю в грех. Отпустите!

– Иисус тебя любит, – ровным, насмешливым тоном напомнил слепец. – Он тебя любит, Он любит тебя...

– Глупости, Христа нет и не было! – воскликнул Хейз, высвобождая руку.

– Ступай к дверям и раздавай бумаги...

– Я возьму их, поднимусь и зашвырну в кусты! Будь вы зрячим, увидели бы!

– Я более зряч, нежели ты! – смеясь, прокричал слепец. – Имеешь глаза, да не видишь, имеешь уши, да не слышишь. Однако со временем придется прозреть.

– Были б вы зрячи – смотрели бы! – сказал Хейз и помчался вверх по ступеням.

Из дверей зала уже вышла толпа народу, и кто-то даже успел преодолеть половину спуска по крыльцу. Хейз, растопырив локти, словно острые крылья, протолкался к дверям, но тут ему навстречу хлынул новый поток людей, и юношу отбросило в самое начало пути. Хейз снова принялся пробивать себе путь, пока кто-то не крикнул:

– Да пропустите этого идиота!

И люди расступились, давая дорогу. Хейз взбежал на самый верх и, отойдя в сторону, тяжело дыша, огляделся.

– Я не шел за ним! – прокричал он. – Никогда и ни за что не пошел бы за слепым дураком. Господи Иисусе!

Хейз стоял у здания, держа стопку брошюр за нить шпагата. К нему приблизился полный мужчина, желающий закурить сигару, и Хейз толкнул его в плечо.

– Взгляните туда, – произнес Хейз. – Видите того слепца? Он раздает брошюры и просит милостыню. Боже мой! И ребенка за собой таскает. Девочку, наряженную в женские тряпки, вынужденную раздавать брошюры. Господи!

– Фанатиков везде хватает, – ответил полный мужчина и продолжил свой путь.

– Иисусе, – произнес Хейз и наклонился к старушке в ожерелье из деревянных бусин. – Лучше вам перейти на другую сторону улицы, мадам. Тут, у крыльца, вас поджидает дурак, раздающий брошюры.

Толпа уже напирала сзади на старушку, однако та остановилась и посмотрела на Хейза ясными крохотными глазками. Хейз шагнул было к ней, но толпа понесла старушку дальше, и пришлось вернуться на место.

– Сладчайший Иисус Христос распят, – сказал Хейз. – Имею сказать вам, люди. Может, вы полагаете себя нечистыми, ибо не веруете, но вы чисты. Это имею сказать вам. Все вы, люди,

как один чисты, но скажу вам: не потому, что Христос распят. Правду молвят, Христа распяли, но умер он не за вас. Внемлите: я сам проповедник и проповедую истину, – продолжил Хейз, но толпа двигалась мимо него очень быстро, как живой поток, распадающийся внизу на ручейки в каналах темных улиц. – Разве не ведомо мне, что есть, а чего нет?! Разве лишен я глаз в глазницах? Ужели я слеп? Внемлите, – кричал Хейз, – ибо я создам новую церковь, Церковь Истины Христову Без Христа. Примкните ко мне, от вас я не потребую ничего. Церкви моей пока еще нет, но она скоро воздвигнется.

Те немногие, кто задержался, глянули на Хейза раз или два. Брошенные листы бумаги разлетелись по улице; слепой проповедник по-прежнему сидел на крыльце, Енох Эмери балансировал на голове льва напротив, а рядом стояла дочь проповедника и смотрела на Хейза.

– Не нужен мне Иисус Христос, – сказал Хейз. – На что он, когда у меня есть Леора Уоттс!

Хейз спустился к слепцу, и тот рассмеялся. Развернувшись, Хейз пошел на другую сторону улицы. Он уже почти перешел дорогу, когда его настиг голос слепца – встав посреди улицы, проповедник кричал:

– Хоукс, Хоукс! Если захочешь найти меня – ищи Асу Хоукса!

Его чуть не сбила машина – водитель вовремя успел объехать слепца.

– Покайся! – прокричал Аса Хоукс и, рассмеявшись, побежал вслед за Хейзом, словно намереваясь схватить его. Хейз отвернулся и, вжав голову в плечи, поспешил прочь. Он не оборачивался, пока не услышал еще шаги за спиной.

– Ну вот мы от них и отделались, – запыхавшись, произнес Енох Эмери. – Теперь пошли повеселимся?

– Послушай, – грубо ответил Хейз, – у меня есть дело. На тебя я насмотрелся.

И он ускорил шаг.

Енох едва поспевал следом.

– Я в городе уже два месяца и никого не знаю. Местные жители не очень-то приветливы. У меня комната, и я живу в ней совсем один. Папаня сказал, что надо переезжать сюда. Я не хотел, меня заставили. И я тебя вроде где-то видел. Ты не из Стоквилля будешь?

– Нет.

– Мелси?

– Нет.

– Наша лесопилка работала как-то возле Мелси, и твое лицо мне знакомо...

Дальше, до самой центральной улицы, они шли молча. Народу им почти не встретилось.

– Прощай, – сказал Хейз.

– Мне в ту же сторону, – мрачно произнес Енох. Слева стоял кинотеатр, у которого как раз меняли электрическую вывеску. – Если б не связались с теми деревенщинами, увидели бы шоу, – проворчал Енох и пошел дальше подле Хейза, бормоча что-то жалостливое.

В один момент он попытался схватить Хейза за рукав и задержать, но Хейз вырвался.

– Меня папаня сюда отправил, – надломившимся голосом повторил Енох. Обернувшись, Хейз увидел, что он плачет: сморщенное влажное лицо парня приобрело розовато-пурпурный оттенок. – Мне ж всего восемнадцать годков, – прохныкал Енох. – Я тут никого не знаю, пойти не к кому. Злые все. Папаня удрал с какой-то бабой, а меня сюда отправил. Баба та надолго не задержится, глазом моргнуть не успеет, как папаня ее отошьет. Ты ж мой первый знакомый. Я тебя где-то видел, точно. Точно видел тебя где-то.

Хейз, сделав невыразительное лицо, смотрел прямо перед собой, а Енох, пуская сопли, продолжал что-то мямлить. Они прошли мимо церкви, отеля, антикварной лавки и наконец оказались на улице, где стоял дом миссис Уоттс.

– Если тебе нужна баба, то нечего гоняться за малявками вроде той, которой ты подарил чистилку, – сказал Енох. – Я слышал, здесь неподалеку есть домик, где можно поразвлечься. Я тебе деньги потом верну, через неделю.

– У меня своя дорога. Моя дверь третья отсюда, и у меня есть женщина. Есть женщина, понял? К ней и иду, в гости. Ты мне не нужен.

– Деньги я верну, через неделю, – повторил Енох. – Я работаю в зоопарке, сторожем. Платят по неделям.

– Отстань, – велел Хейз.

– Люди в этом городе злые. Ты не местный, но ты злой.

Хейз не ответил и пошел дальше, глубоко втянув голову в плечи, словно бы на улице стоял холод.

– У тебя никого нет, – напомнил Енох. – Нет у тебя бабы, я же знаю. Сразу, как увидел тебя, понял: у тебя, кроме Иисуса, никого нет. Я тебя раньше видел и вспомнил.

– Мне сюда, – ответил Хейз и, не глядя на Еноха, свернул на дорожку к крыльцу миссис Уоттс.

Енох остановился.

– Да, о да! – прокричал он и утер сопли рукавом. – Иди себе, ступай, но глянь-ка, посмотри.

Похлопав себя по карману, Енох подбежал и схватил Хейза за рукав пиджака. Потряс у него перед носом картофелечисткой.

– Девка отдала ее мне. Отдала, и все, ничего не поделаешь. Потом сказала, где они живут, и попросила привести тебя. Не тебя попросила меня привести, а меня – привести тебя. Ты еще мотался за ними... – Его глаза, омытые слезами, заблестели, губы искривились в зловещей ухмылке. – Ведешь себя, будто кровь твоя мудрее остальных. Все не так. Моя мудрее, не твоя.

Хейз не ответил. Он стоял, такой маленький на середине крыльца. Швырнул стопку брошюр в Еноха – бумаги ударили парня в грудь, и тот, раскрыв рот, пошатнулся. Какое-то время смотрел в то место, куда ударила стопка, затем побежал вниз по улице.

Хейз вошел в дом.

Прошлой ночью он впервые переспал с женщиной, и первый раз вышел не совсем удачный. Кончив, Хейз повалился на миссис Уоттс, словно нечто исторгнутое морем на берег. Миссис Уоттс наградила его нелестными эпитетами, которые Хейз то и дело вспоминал в течение дня. Ему было неловко возвращаться к ней. Что она скажет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.